

Соотношение преподавания истории и исторической памяти общества

The relation between teaching of history and the historical memory of society

Мазаев Р.М.

Студент Института Истории Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: ruX12345@gmail.com

Mazaev R.M.

Student of the History Institute of St. Petersburg State University
e-mail: ruX12345@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается феномен формирования массового исторического сознания по отношению к школьному образованию. Преподавание истории как учебной дисциплины в системе общеобразовательных школ является инструментом для создания «исторического мифа», требуемого для поддержания идентичности политической нации. Таким образом, обращение к прошлому оказывается актом его конструирования на основе исторических представлений современного общества и в целях актуальных для настоящего момента.

Ключевые слова: историческая память, публичная история, массовое сознание, историческое образование, школьное преподавание.

Abstract

The article deals with the phenomenon of the formation of mass historical consciousness in relation to school education. Teaching history as an academic discipline in the system of secondary schools is a tool for creating the “historical myth” required to maintain the identity of a political nation. Thus, reference to the past turns out to be an act of its construction on the basis of historical ideas of modern society and for the purposes actual for the present moment.

Keywords: historical memory, public history, mass consciousness, historical education, school teaching.

Становление истории в качестве научной дисциплины в XIX в. способствовало тому [7, с. 39], что она в качестве одного из предметов стала включаться в программы общеобразовательных школ. Школа, как указывал М. Фуко [5, с. 250-253], является одним из основных институтов подавления и власти в обществе, средством чему служит право школы на формирование мировоззренческих основ населения. В отношении истории это означает, что школьная программа является тем базисом, на основе которой формируется представление общественных масс о прошлом своей страны и человечества в целом (public history) [4, с. 9]. В большинстве современных стран система общего образования находится в ведении государственной власти, тем самым предопределяется характер исторической парадигмы, которой будет принадлежать гегемония в общественном сознании [4, с. 306–309].

Таким образом, происходит «освоение прошлого» [3, с. 58], формирование исторического мифа в том ключе, который соответствует если не интересам государственного аппарата и класса гегемона, как об этом говорил А. Грамши [8, с. 181], то уж определенно интересам титульной нации или наций. Это положение вкупе с определенной герметичностью академических традиций исторической науки в отдельных

странах, приводит к тому, что всеобщей истории как таковой нет. Каждое государство посредством школьного образования формирует собственное видение прошлого [4, с. 11]. Конечно, собственные воззрения на историю формируются и другими средствами, в первую очередь, традицией – передаваемой в рамках социальной общности взглядов на собственную историю, формирующей идентичность [1, с. 23-29]. Однако такие общности, которые могли бы формировать полноценную мировоззренческую картину, как-то сословия или расширенные семьи (линьяжи), подверглись разрушению в период перехода к индустриальному обществу. Стоит при этом заметить, что в настоящее время осуществляются попытки создания взглядов на историю с точки зрения некоей социальной группы: женская история, история маргиналов, локальные истории и так далее [5, с. 10-38].

Создание и корректировка представлений о прошлом имеет для общества несколько функций. Кроме рекреационной и гуманистической функции, громадной значимостью обладает «врачевание», то есть внесение в общественное представление неких объяснений актуального политического положения событиями исторической давности. Например, эскапистские представления испанцев, в которых Пиренейская монархия видится в сиянии величия времен колониальной империи, что заглушает чувство неудовлетворенности тем положением второстепенной европейской державы, которое Испания заняла в Новейшее время [9, с. 117]. Другим примером может служить представление о «догоняющем характере развития», культивируемое западниками XIX в. и либерально-патриотическим течением в современной российской историографии [6, с. 35-44]. Согласно этому взгляду, беды Отечества предопределены, в первую очередь, таким объективным фактором, как положение на востоке Европы, являющейся окраиной цивилизованного мира, повторяя тем самым сформированный в XVIII в. миф о «Восточной Европе» как элементе ментальной географии [2, с. 35-44].

С другой стороны, историческая наука служит чрезвычайно важным инструментом для формирования реваншистских настроений и обоснования действий на международной политической арене. Выделение момента утраты неких территорий или прав в прошлом, как национальной трагедии, позволяет использовать недовольство этим фактом как аргумент в политической риторике [4, с. 10-12]. Ярким примером служит нациостроительство молодых государств Балканского полуострова в конце XIX–XX вв., приведших к двум Балканским войнам, событиями 90-х годов XX в. в Югославии, к тому же, в какой-то мере, предопределивших начало Первой мировой войны.

Следует заметить, что Новейшее время создало также некоторые наднациональные исторические парадигмы. Марксистско-ленинский исторический материализм служил официальной доктриной для интерпретации прошлого почти для ¼ человечества.

Но ещё более значительным, правда, более аморфным, является глобалистская парадигма, представляющая собой интерполяцию исторических представлений западноевропейской цивилизации на историю всего человечества. Развитие любого общества рассматривается как целенаправленное, прогрессивное. Хронология мировой истории отсчитывается на основе событий из истории западноевропейских народов: античность и условный ее конец в 476 г., средние века и феномен Ренессанса, не имеют практически никакой связи с историей Китая или Японии, а тем более народов Южной Африки, Австралии, Океании и обеих Америк [4, с. 13].

Гегемония западноевропейского взгляда на историю обеспечивается школьной системой образования, даже в тех случаях, когда программа в постколониальном государстве оказывает внимание на свое доевропейское прошлое, как, например, в Индии, однако осевым моментом все равно признается этап европейской экспансии. К тому же сама используемая терминология: государство, правовой кодекс, религия и церковь, являются присущими западноевропейскому миру, они обладают собственными коннотациями, которые наслаиваются на прошлое неевропейских стран, видоизменяя и деформируя его [4, с. 64-79].

Следует отметить, что идеология деколонизации, сформированная в странах третьего мира, оказывает влияние и на историописание европейских стран. Ярким примером служит пособие по истории для детей Испании «Энциклопедия первой ступени» А.А. Переса, написанное ещё при генерале Франко, однако переиздававшееся вплоть до конца XX в. с крупными корректировками [4, с. 132]. Колониальная экспансия, вторжения Кортеса и Писарро рассматриваются именно как завоевания, однако «черная легенда» – представление о вине колониальных народов за беды стран Южной Америки – практически полностью замалчивается, что связано со стремлением государства предотвратить формирование чувства исторической вины в молодом поколении граждан.

Интересен факт, что в пособии даже после падения режима Франко сохраняется громадное значение религии, истории христианства и основам христианской культуры уделено больше половины содержания книги. Религия в принципе имеет большое значение для исторической памяти испанцев, которая хранится, во многом благодаря праздникам, имеющим некий особый колорит. Испанские праздники часто имеют локальный характер, поэтому они менее формализованы и активное участие в них принимают народные массы, что позволяет сформироваться некоему чувству солидарности. Таков, например, праздник «Moros y Cristianos», когда испанцы передеваются в плащи и средневековые костюмы, провозглашая изгнание мавров с Пиренейского полуострова [10, с. 28–38]. Важно отметить, что фактически лишенными истории оказываются не только мусульмане Испании, вокруг которых сформирован образ «врага», но и такие народы, как галисийцы или баски, чье прошлое не было связано с Кастильской державой [4, с. 133–135].

Таким образом, учебная программа школы оказывается той силой, которая способна переориентировать нацию в отношении не только своего прошлого, но и будущего. Причем главным актором, естественно, оказывается государство, санкционирующее характер преподаваемого материала. Процесс создания образовательной программы становится актом «освоения» прошлого.

Литература

1. *Блок М.* Апология или Ремесло историка / Пер. Е.М. Лысенко. М.: Изд. Наука, 1986.
2. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. М. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
3. *Лоуэнталь Д.* Прошлое - чужая страна / Пер. А. В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, Русский Остров, 2004.
4. *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира / Пер. Е. Лебедевой. М.: Высшая школа, 1992.
5. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. В. Наумова. М.: «Ad Marginem», 1999.
6. *Ципкин Д.О., Шibaев Д.А.* 1612 и 1812 годы в современном массовом историческом сознании // 1612 и 1812 годы как ключевые этапы в формировании национального исторического сознания : сборник научных трудов (Всероссийского круглого стола, 21 ноября 2012 г.). СПб. : Президентская библиотека, 2013. С. 6-15.
7. Marwick A. The nature of history. London: Macmillan educated LTD, 1970. P. 39.
8. Mouffe Ch. Hegemony and Ideology in Gramsci. London: Routledge and Kegan Paul, 1979.
9. Walsh A. L. Arturo Pérez-Reverte: Narrative tricks and narrative strategies. London: Tamesis Books, 2007.
10. Botella N. Orígenes de la música en las Fiestas de Moros y Cristianos de Alcoy // Revista de Folklore. 2013. № 372. P. 28-38.